

Глава 22-Противоречивые Резолюции

Минато уставился на жалкий пустой свиток перед собой усталыми глазами.

Он не был уверен, сколько времени пролил на пустой пергамент, но предполагал, что прошло уже несколько часов с тех пор, как он впервые сел. Открыв чистый свиток с отчетом о миссии, Минато сел за свой рабочий стол в своей комнате, чтобы попытаться заполнить его, но тут же обнаружил, что его руки отказываются воспроизводить события, которые он так живо представлял себе. Затем он перешел в гостиную, надеясь, что смена обстановки (и присутствие рядом жены) позволит ему расслабиться и спокойно писать.

Но это не сработало.

Со вздохом блондин бросил ручку на кофейный столик, а затем положила локти на колени, уставившись на свиток, который отказывался заполняться словами, которые, как он знал, должны были дойти до Хокаге. Это отказывалось передавать события и откровения, которые их миссия С-ранга-превратившаяся-В-ранг извлекла из глубин того, что, возможно, было адом. Его глаза остекленели, когда он, что было очень вероятно уже в пятидесятый раз с тех пор, вспомнил свои решения и то, что он был готов сделать.

Сначала, во время миссии ... он нашел свою решимость. Первоначально он выбрал эту миссию доставки специально, потому что если бы он столкнулся с Обито и что-то произошло в результате этой конфронтации, у Конохи не было бы проблем. Кроме того, было бы просто защитить двух других своих учеников, если бы возникла такая необходимость, и он поместил дзюцу Шики на обоих Какаши и Рин, периодически отмечая деревья и камни на пути к аванпосту.

Он был к этому готов. Оставалось только ждать, наблюдать за Обито и выносить окончательное решение.

Минато всегда подозревал, что у Обито есть потенциал, это было несомненно—мальчик не был чем—то особенно выдающимся, но с правильной мотивацией—его соперничество с Какаши-он улучшился не по дням, а по часам. Это было то, что Минато не мог приписать себе, по крайней мере, не полностью, поскольку он действительно видел, что Обито не был идиотским мертвым последним и неудачником своего клана, как многие его называли. Эта вера еще больше укрепилась в сознании блондина, когда менее полугодом назад Обито продемонстрировал такой внезапный всплеск силы, когда он, очевидно, активировал свой Шаринган. Беспокойство вытеснило болезненное любопытство Минато по поводу точного размера недооцененного потенциала его ученика, но этот вопрос всегда оставался в глубине его сознания.

Это, если он задумается, скорее всего, и было причиной того, что он затянул само противостояние до последней минуты. Возможно, как учитель, Минато хотел верить, что его ученик действительно может преодолеть границы, которые все ограничивали его—в конце концов, несмотря на его предполагаемый гений, Минато также был своего рода аутсайдером в молодом возрасте из-за его очевидного отсутствия доблести и харизмы (две вещи, которыми он

решительно опрокинул всех своих скептиков, поскольку он "имел храбрость в пику", как однажды сказал Джирайя). У Минато всегда были подозрения, некоторые казались необоснованными, а некоторые нет, но в то время он приписывал их своему настороженному разуму Шиноби.

Он всегда подозревал, что Обито был очень силен, но ... с такой легкостью одолеть Шиноби уровня Джонина?

Минато был смертельно встревожен. Он видел, как Кунай летит на Рин, и заметил до сих пор скрытую чакровую сигнатуру еще одного врага ранга Джонин. Страх охватил его, и он уже потянулся к дзюцу Шики, которые, как он знал, были на двух его учениках, чтобы заблокировать Кунай и противостоять четвертому Джонину, но еще одно беспокойство захватило его чувства, требуя внимания. Он был первым, кто заметил, когда чакра Обито сдвинулась. И он видел, как пространство вокруг четвертого Джонина, казалось, исказилось, прежде чем Кунай отклонился от курса и застрял в его горле, а человек внезапно оказался на земле без ног.

Чистый шок можно было почувствовать от каждого—от всех, кроме Обито. А у самого Минато не было места для шока, так как он повернулся, чтобы посмотреть на Учиху, понимая, что именно этого он и ждал.

Его глаза каталогизировать каждое движение, каждое легкое эмоции, в противном случае недействительными раздолье в Ониксовых глазах, попыталась передать это. Он наблюдал за тем, с какой легкостью мальчик жестоко расправлялся с вражескими Шиноби, как он использовал идеальное количество чакры и контроля, чтобы сжечь любые прослеживаемые свидетельства того, кем когда-то были Кумо Шиноби. Это не было чрезмерным использованием или избытком чакры, нет, глаза Обито были слишком твердыми и сосредоточенными для паники.

Он убил их с определенной целью. Он методично сжигал все определяющие черты, стирал их существование, полностью осознавая, что он сделал.

Минато почувствовал почти отвращение к самому себе, когда осознал, что внутренне отметил эффективность своего ученика, то, как ворон думал о таком непонятном дополнении к мести за нападение на их команду. В конце концов, многие погибли на войне, но большинство из них, по крайней мере, были занесены в каталог—то, как Обито убил их, не было никакой надежды на то, что какая-либо поисковая команда сможет идентифицировать их с уверенностью.

После односторонней битвы—точнее, резни-Минато подошел к Обито и положил руку ему на плечо. Это было действие, которое можно было передать как беспокойство Рину, Какаши и ... самому мальчику. Но блондин должен был убедиться, что он может защитить свою команду и при необходимости подчинить себе врага; он прочитал чакру "Обито" и обнаружил, что она достаточно истощена. Минато перестало беспокоить то, что его ученик-Чунин был выше резервов Джонина, потому что он уже сделал свой выбор в тот момент, когда увидел существо, открывающее свои кроваво-красные глаза и убивающее ими.

В глубине души Минато не хотел подозревать мальчика. Но было слишком много шансов, слишком много риска, если он закрывал глаза на способности мальчика. Несмотря на свою незначительность, там было много-много улик, указывающих на потенциально опасное присутствие "Обито". У Минато были обязательства, и смерть Джонина от руки Обито была всем, что нужно было блондину, чтобы принять окончательное решение.

(Потому что, хотя Обито не проявлял никаких склонностей к насилию непосредственно по отношению к Конохе, единственным реальным фактором, который удерживал Минато от столкновения с мальчиком, было то, что он верил, что может убить его, если понадобится. Он искренне верил, что, по крайней мере, Обито—или кто бы там ни был в теле его ученика—не способен причинить им вреда. Но он только что доказал, что действительно достаточно квалифицирован, чтобы бросить вызов Минато и убить Рин и Какаши. Даже если он никогда не проявлял никаких склонностей к насилию по отношению к ним, у него все еще была такая способность. Зная, что он был неизвестным, Минато не мог воспользоваться этим шансом.)

Минато решил больше не уезжать от того, что он считал правдой. Поэтому он собрался с духом и обратился к мальчику:

И все же ... то, что он узнал, оказалось совсем не тем, чего он ожидал. Он приготовился к возможному предательству, к тому, что шпион носит лицо Обито, к тому, что мальчик, которого он знал, мертв.

По правде говоря, Минато ожидал самого худшего, учитывая недавнюю стычку в библиотеке. - А почему он изучал дзюцу по замене тела? - Это навело его на мысль о болезненной работе Орочимару, который всегда оставлял холодное чувство в глубине живота Минато—чувство, которое подтвердилось не так давно, приведя к дезертирству бывшего уважаемого Саннина. Не говоря уже о том, что Сандайме открылся ему. Это имело бы смысл, как бы сильно Минато этого не хотел, чтобы этот Обито был всего лишь оболочкой-врагом, больным, искалеченным врагом, носящим его кожу.

Но ... путешествие во времени?

Он был так потрясен этой идеей, тем ответом, который дал ему мальчик—и ему даже не дали шанса перейти от шока к недоверию и праведному гневу. И что он должен был думать?

Часть его отвергла саму идею об этом, саму идею о том, что Обито-существо из будущего. Это было нелогично, и, возможно, одно из самых невероятных и глупых заявлений от захваченных вражеских Шиноби с тех пор, как "у меня амнезия."

Но Минато был мастером Фуйндзюцу. Таким образом, у него был довольно открытый мыслительный процесс, и он воспринимал множество видов информации-буквальную, фактическую, потенциальную, образную, объективную, субъективную; все.

Если он думал об этом, действительно думал, объективный ум буквального мыслителя в стороне... это имело смысл. В какой-то странной манере говорить "все-дыряво".

Концепция похитителя тел имела смысл для скудных доказательств, предоставленных Хокаге и Минато собственными встречами с Обито, но они никогда не понимали Шаринган. Было слишком много вопросов относительно додзюцу, но то, что он подтвердил, заключалось в том, что для активации Шарингана требовалось большое эмоциональное бремя—следовательно, огромная потеря для Мангэке. Почему у похитителя тел вдруг появилась самая мощная итерация додзюцу клана Учиха, когда первоначальный владелец тела даже не активировал самую простую форму? Это были незначительные, казалось бы, не связанные между собой вопросы, которые Минато отклонил из-за своего нежелания давать себе надежду. Он находил эти детали слишком незначительными и несущественными, и поэтому склонялся к идее "похитителя тел", которая не соответствовала всей схеме в той мере, в какой он первоначально предполагал.

Но концепция путешествия во времени подходит.

В конце концов, почему бы и нет? Такая диковинная ситуация, совершенно не зависящая от Минато-Конохи, вызванная таким диковинным подвигом, которого якобы невозможно достичь.

В Кьюби. Станный, случайный тангенс для его разума, чтобы блуждать, пока он не вспомнил, что сказал Лис, что-то, что на самом деле не было таким случайным и несвязанным, как он сначала подумал. В зловещих предостережениях зверя он указал на "путешественника", хотя эту деталь было легко замазать из-за очевидного отсутствия связи, которую она имела с чем-либо по сравнению с другими его словами.

Как же ошибался Минато! Как же ошибались он, Джирайя и Кушина, ибо это было, пожалуй, самым ошеломляющим откровением из всех—каким бы скрытым оно ни было. Часть Минато предположила, что Обито не был тем, о ком говорил лис, но он быстро отогнал эту мысль. О чем еще, о ком еще мог говорить Кьюби? Его слова подтверждали слова самого Обито в его исповеди, а также его действия. Обито вроде бы не представлял угрозы, и лис тайком поддержал эту идею... но какие доказательства от зверя ненависти могут иметь хоть какой-то вес?

Он был в замешательстве. Совершенно, полностью, опустошающе противоречивые; его надежды и условные рефлексы борются, его ожесточенное, но слабое сердце и его тренированный, Шиноби-разум находятся в тупике. Он был так же сбит с толку и лишен направления, как и пребывал в состоянии конфликта.

Потому что те, кто должен быть его врагами, дружелюбны... а те, кто должен быть на его стороне, имеют неизвестную преданность.

Но.

Факт оставался фактом: несмотря на все свои противоречивые мысли и эмоции, Минато вернул Обито в Коноху. Не мертвым. Не связанным. Не запечатанным. Свободным.

Даже если то, что сказал Кьюби, не было правдой (в которую, если быть до конца честным,

блондин уже начинала верить—если отбросить упреки совести шиноби), и даже если он все еще не знал всей правды об Обито, он вернул его обратно. Минато мучительно сознавал, что, несмотря на все свои подозрения, он все еще до некоторой степени доверял Обито.

На самом деле, самыми распространенными эмоциями в его сознании были не подозрение и страх, а... сожаление. Нерешительность. И разочарование. Не в Обито, по крайней мере, не совсем—он хотел бы, чтобы мальчик сказал ему раньше и рассказал все, но он не мог точно судить, пока не узнает всю правду,—но в себе самом. Если бы он принял концепцию путешествия во времени...

Что же он сделал не так? Почему Обито должен был так страдать? Он всего лишь цеплялся за информацию, но почему Рин умерла? Почему он умер, позволив умереть и своей возлюбленной, бросив двух оставшихся учеников (которые больше всего нуждались в руководстве и поддержке) на произвол судьбы?

Минато нуждался в ответах, ответах, которые Обито не желал давать—за которые Минато не хотел снова нападать на своего ученика.

Он уже сделал это однажды, и ему было достаточно трудно набраться храбрости. Сделать это снова, когда у него все еще не было веских доказательств того, что Обито лжет, что он действительно представляет угрозу... с возможностью обвинить невиновного? Тот, кто случайно оказался учеником Минато? Он не мог этого сделать.

Особенно после стольких проявлений верности Обито, которые Минато отодвинул на задворки своего сознания после молчаливого осуждения мальчика во время их С-ранга. Самый последний - как раз перед их противостоянием.

Обито взглянул на своих нездоровых товарищей по команде-Какаши и Рин спали, Каге Буншин Минато притворялся без сознания-и побежал. В то время Минато чувствовал бурлящую ярость из-за трусости Обито, прежде чем исправиться, сказав, что не может винить его. В конце концов, это был не Обито, а какой-то вор, носящий тело мальчика. Он действительно думал, что Обито бросил их.

Однако. Пока он думал об этом, принимая во внимание предполагаемый истинный умственный возраст мальчика... было очень вероятно, что Обито понял, что нападавший преследовал его, что, несмотря на то, что он был предполагаемым неизвестным врагом, его приоритетом был Обито. И, почувствовав опасность, решил перенести бой на более нейтральную территорию в надежде защитить своих товарищей по команде.

Блондин не мог избавиться от своих предательских мыслей (но каких именно? Те, что осуждали "Обито", или те, что говорили ему доверять мальчику?) и только теперь обнаружил, что ему становится все труднее выносить это суждение. Особенно когда он знал, каким будет следующий шаг, если он согласится с мыслью, что Обито представляет собой угрозу. Минато не хотел на самом деле подвергать своего потенциально невинного ученика пыткам—и теперь, когда концепция путешествия во времени была введена в уравнение, было очень хорошо

возможно—что-даже если Обито был невиновен—он не мог дать Минато ответы, которые он хотел. Не тогда, когда речь идет о чем-то столь же изменчивом и ненадежном, как время, когда никто не знает, какие последствия могут быть вызваны в качестве последствия.

И еще, он все еще не мог полностью принять попыталась передать, либо.

Непрощеное воспоминание о том времени, когда у Минато не было никаких сомнений, никакого особого беспокойства о том, что его ученик не тот, кем он должен быть, всплыло на передний план его сознания.

- Конечно, Минато-сенсей, - ответил Обито с такой невинной, доверчивой улыбкой. -И я тоже тебе доверяю."

Состроив гримасу, Минато откинулся на спинку кресла и откинул голову назад, крепко зажмурив глаза, словно пытаясь отогнать свои тревоги. "В том-то и дело, Обито", - тихо подумал он, сжимая руки в кулаки. -Я... я больше не знаю, Могу ли тебе доверять.'

-Есть какая-нибудь причина, по которой ты выглядишь так, будто страдаешь от последствий болезненного запора, ттебейн?"

Единственным признаком удивления Минато было неконтролируемое подергивание бровей, Прежде чем он сел и посмотрел на свою жену. Кушина подошла и села слева от него, все это время критически наблюдая за ним. -... Что случилось?- Тихо спросила она, и прежний дразнящий тон исчез.

Минато открыл рот, чтобы заговорить, скорее всего, чтобы сказать что—то о том, что все в порядке, чтобы не беспокоить ее, но остановился, думая против этого. В конце концов, это была не совсем та проблема, которую он хотел бы доставить Хокаге, не тогда, когда этот человек и сама деревня были главной причиной его общего беспокойства.

-Это все из-за Обито, не так ли?- Блондин на мгновение удивился пронизательности своей жены, но это чувство быстро рассеялось; хотя ей нравилось вести себя наоборот—громко, буйно, глупо—Кушина все еще была джонином и личностью, которая, несмотря на то, что не могла сравниться с ним в совершенстве в бою, все еще была кем-то, кем он гордился.

Особенно в таких случаях, как этот.

Прочистив горло, он заставил себя расслабиться и повернулся лицом к свитку, который лежал перед ним, не в силах смотреть на рыжеволосую женщину. Он не мог сказать ей всей правды, он отказывался подвергать ее вероятному наказанию, которое последует, если его окончательное решение будет заключаться в сокрытии информации от Хокаге. Если. - ...Да, это касается Обито.- Через свои периферийные устройства он видел, как сузились ее фиалковые глаза. - Я... я думаю, что подвел его. Он так сильно изменился, что я уже не могу полностью узнать его. Ясно, что он страдал, и потому, что я не понимаю—потому что он просто не хочет

мне говорить, - это разрыв. Трещина, которую я не могу пересечь, и я не знаю, что делать. Он закрыл глаза в молчаливом смирении. - ...Я думаю, что это моя вина."

Не совсем напряженная, но и не совсем уютная тишина воцарилась, когда Кушина уставилась на него. Минато открыл глаза и снова уставился на кофейный столик, борясь с желанием поежиться.

- ...Очевидно, здесь кроется нечто большее, чем ты показываешь, но... я думаю, что с Обито все в порядке, даттебейн. Блондин послал ей вопросительный взгляд, и теперь настала очередь Кушины отвести глаза в молчаливом раздумье. - Обито ... он всегда был крепким парнем с твердыми убеждениями, всегда способным подняться после неудачного падения. Однако люди никогда не могли видеть эти редкие и достойные внимания качества, потому что были слишком заняты, посылая ему язвительные взгляды и унижительные замечания.- Она успокаивающе положила руку на плечо Минато и повернулась к нему с легкой улыбкой. -Даже если Обито изменился, я не думаю, что это обязательно плохо. Он вырос, повзрослел, и его детские выходки с возрастом стали более утонченными, а ум-более острым."

Минато покачал головой, положив средний и указательный пальцы на лоб, пока он боролся с надвигающейся головной болью.

На лице Кушины появилось задумчивое выражение. -Ты ведь заметил, верно? У него такой ... такой решительный вид, и он еще более непреклонен в защите своих близких. Поначалу это было тревожно, потому что такая сильная убежденность обычно является результатом потери, - мысленно отметил Минато; еще один маленький намек в пользу теории путешествий во времени, - но это было безошибочно. Воля огня сильна в Обито, хотя иногда кажется, что оно затуманено тьмой и печалью. Он определенно мог бы иметь более счастливое детство, и у него должна была быть семья, которая любила бы его таким, какой он есть. Но он все еще силен."

Хотя Минато видел убежденность в глазах Кушины, ее слова не совсем сработали на него. Она, похоже, считала, что беспокойство Минато было полностью основано на мысли, что он подвел Обито—что, честно говоря, было правдой, но он не столько беспокоился о том, насколько силен был мальчик, сколько о том, что он был очень силен....

- Это... это не так, я знаю, что Обито силен— - факт, который он остро осознавал, отметил он, внутренне поморщившись, когда вспомнил их противостояние, - просто он... другой. Он что-то скрывает, а я просто... я больше не знаю, что делать. Да, в этих глазах есть убежденность, и хотя я хочу верить, что это было сделано с добрыми намерениями, я все еще не могу найти точную причину его поведения.- Он тяжело сглотнул, его голос упал до шепота. -Я не могу сказать, представляет ли он угрозу. И если бы это было так... если бы Обито оказался угрозой для Конохи..."

Минато не был уверен, что сможет с этим справиться.

Да, он был джонином из Конохи. Окончил Академию в возрасте десяти лет как Новичок года. Не прошло и года, как его повысили до Чунина, а вскоре после этого отправили в Анбу, и в

шестнадцать лет он наконец получил должность Джонины.

Намикадзе Минато был Шиноби, обученным убийцей из Конохи, который знал, как убивать врагов самыми заметными способами, умел убивать цели и возвращаться домой задолго до того, как кто-либо был предупрежден, умел выкачивать информацию даже из самых закаленных ветеранов. Но он все еще был человеком с совестью, и только потому, что он был способен истекать кровью, пытаться и убивать других обманчиво пустыми взглядами—только потому, что кошмары давно перестали быть проблемой, у него все еще была своя мораль.

Одно дело-лишить себя возможности убивать безымянных людей, у которых, как он знал, были семьи, но которых он лично не знал. И совсем другое-совершать те же действия против кого-то, кого ты принял как своего рода члена семьи.

- ...Но, - голос Кушины вывел Минато из задумчивости, и он повернулся к ней с усталым взглядом. Она положила свою прохладную, успокаивающую ладонь на его щеку и посмотрела ему прямо в глаза. -Даже если Обито что-то скрывает, даже если он может показаться подозрительным, разве это так уж плохо? Просто потому, что кто-то что-то скрывает, не означает, что это должно быть гнусно или со злым умыслом."

Она откинулась на спинку стула, и взгляд ее стал каким-то далеким. - В конце концов, вспомни начало наших отношений. Неужели мы с самого начала знали друг о друге все?- Возможно, почувствовав его легкое замешательство, она уточнила: -Это Кьюби. Я скрывала от тебя свой статус джинчурики, потому что боялась. Боишься быть осужденным и ... ненавидимым тобой за то, что ты-то, что другие люди называли бы чудовищем."

Минато открыл рот, чтобы заговорить, но через мгновение закрыл его, обдумывая ее слова. На самом деле они имели смысл и немного сняли тяжесть его ноши с плеч. В конце концов, Обито говорил о тьме—о том, как он был испорчен,-явно самоуничижительным тоном. Это был логический вывод, что Обито будет чувствовать себя неловко из-за того, что его учитель осуждает его, если он в конечном итоге будет "поглощен тьмой" в будущем, как он утверждал.

Он почувствовал, как возвращается прохладная ладонь Кушины, когда она улыбнулась ему. - Как тебе не стыдно, - игриво упрекнула она, скривив губы в довольной ухмылке. -У тебя не должно быть сомнений и таких мрачных мыслей, тебе их. Это не похоже на вас, Мистер Саншайн."

Блондин усмехнулся, когда он снова повернулся к свитку, хотя это было без особого юмора. - ...Мне кажется, я знаю, в чем дело. Я думаю, что эта часть меня действительно надеется, что ... что он не Обито. Надеюсь, что это был не Обито, которому я угрожал, которого бросил и предал. Все еще упершись локтями в колени, он обхватил голову руками и вздохнул. -Это было ... это было намного легче принять идею, что это был не он, думать, что он был врагом, а не кем-то, кто мне дорог, что я обидел... кого-то, кого я, в конечном счете, подвел."

Снова воцарилось молчание.

Наконец Кушина вздохнула. -... Их ведь очень много, не так ли? Минато поморщился, но все равно кивнул. Он почувствовал, как ее рука успокаивающе легла на его плечо. -Ну... если ты действительно упал так, как подвел его, тогда есть только одна вещь, которую ты можешь сделать для него, тебе же. "

Минато повернулся к ней, его лазурные глаза смотрели на нее сквозь непослушную челку. - ...Что?"

На ее лице появилась яркая улыбка, а глаза заблестели. - Конечно, будь рядом с ним, глупышка. Даже если он силен, он все равно всего лишь человек, и будет время, когда он будет нуждаться в чьей-то помощи и помощи ему. Будьте постоянной поддержкой для него, убедитесь, что вы там, чтобы слушать его—чтобы помочь ему. Заставь его понять это, даже если он вступит в самое темное время своей жизни... - Минато уже сидел прямо, и рука Кушины скользнула к его руке. Она переплела их пальцы, и в ее глазах появился решительный блеск. - ...Ты всегда будешь рядом, чтобы помочь ему пережить это."

Через мгновение, отбросив все запреты, Минато широко раскрыл глаза.

Конечно. Он был так сосредоточен на том, чего боялся, на возможности того, что кошмар станет явью, что совсем забыл об этом. Разве он не говорил себе, что будет защищать Обито после того, как мальчик пытался покончить с собой? Разве он не обещал, что всегда будет рядом с ним, будь проклята его ответственность?

Как ... как он мог забыть что-то настолько важное?

Да, Обито проявлял странности. Да, многое из того, что он сделал, проложило путь к менее чем позитивным мыслям, особенно когда они были помещены в разум тренированного Шиноби. Но ... отбросив в сторону натренированное упрямство, Минато увидел, что мальчик все еще был Обито, маленькие действия, хитросплетения, которые были полностью Обито, и внимательная, почти одержимо защитная манера Учихи рассматривать свою команду. Минато был так сосредоточен на компрометирующих уликах, что отбросил в сторону мелкие детали, классифицируя их как бред своего полного надежд разума.

Удивленный, но в то же время успокоенный и расслабленный—когда в последний раз он испытывал такое безудержное веселье?- смех вырвался у него, даже когда любопытная, но легкая влага зацепила в уголках его глаз. Он повернулся к ней, слегка улыбаясь и держа ее руки в своих. -Вы действительно приняли мою команду, не так ли?"

Кушина слегка надула губы. -Ну конечно же! И не отвлекайся, тебе лучше дать понять тупоголовому Учихе, что ты здесь для него, даттебейн.- Ее черты смягчились в улыбке, отражающей улыбку самого Минато. -Он должен знать, что у него есть кто-то в своем углу."

Улыбка блондинки стала еще шире. -Как и ты, для меня?"

В ответ Кушина крепко обняла его и закрыла глаза. - Как я для тебя, и как ты для меня."

Какаши шагнул вперед, не обращая внимания на то, что Рин постоянно дергает его за рукав. - Какого черта, обито? Почему?—"

-Мы просто должны дать ему время открыться самому—"

- Как будто это действительно сработало!- Какаши зарычал, заставив медика-Нин слегка отшатнуться, прежде чем она решительно нахмурилась.

Обито лишь приподнял бровь. Он был прямо там.

- Так или иначе,- снова заговорил седовласый Чунин, повернувшись к обито с прищуренными глазами. -Я думаю, тебе пора рассказать нам все. Почему ты был так далек от меня? Ты больше ничего нам не рассказываешь, если только тебя не заставляют—ты ведь рассказывал нам все, начиная с твоего ужина прошлой ночью и заканчивая твоей последней шуткой без подсказки— и ты всегда что-то скрываешь!- Его плечи были напряжены, и по страдальческой гримасе на лице было видно, что он расстроен. -Это—это стало еще хуже после задания. Это было два дня назад, и вдруг ты даже не разговариваешь ни с кем из нас! Только то, что, черт возьми, случилось пять месяцев назад, и что ты скрываешь!?"

- Потребовал он ответа. И по какой—то причине—по причине, вероятно, иррациональной и глупой, которую невозможно было точно определить, - это беспокоило Обито.

Он уже устал от всего этого.

-Вы не имеете права знать, - резко заявил он, засовывая руки в карманы и отворачиваясь от них с притворным безразличием.

Какаши запнулся, и Рин посмотрела на него широко раскрытыми, растерянными глазами. - ...Что?"

Учиха вздохнул, оглядываясь на них. - Послушай, Какаши. Вы все еще обременены своим прошлым. Вы отказываетесь говорить с кем-либо об этом, двигаться дальше и действительно жить в настоящем."

- Чт... - Хатаке выглядел явно шокированным, на мгновение отступив назад, прежде чем

сделать два шага вперед с сердитым взглядом. -Э-это не из-за меня, это из-за тебя.—"

-Как я и сказал, - прервал его Обито, полностью повернувшись к Какаши. -Ты не имеешь права знать. До тех пор, пока вы сами все еще обременены своим собственным прошлым... что заставляет вас думать, что вы имеете право знать, в чем заключаются мои проблемы?- Он фыркнул. -И вообще, откуда такой интерес? Вы так хорошо умеете избегать своих собственных проблем и отодвигать их в сторону, что трудно поверить, что вы даже не моргнете ресницей на проблемы других."

Какаши посмотрел на него странно пустым взглядом, в то время как Рин нерешительно смотрела между ними. Понимая, что он, вероятно, не получит ответа, Обито пожал плечами и повернулся, планируя найти другое место, чтобы погрузиться в свои мысли. Очевидно, он не мог оставаться здесь, потому что там находились двое из тех, кто внес свою лепту в его беспокойство. Он не мог вернуться домой-в квартиру Минато и Кушины—по той же самой причине. Обито поднял голову к небу, обдумывая свои варианты. Он мог бы отправиться в лес смерти, учитывая, что там очень мало людей, или даже выскользнуть из Конохи и задержаться в окрестных лесах, так как у него было бы меньше забот о встрече с кем-то, с кем он не хотел бы разговаривать. О, но еще лучше было бы войти в его измерение Камуи, поскольку он был единственным, кто мог получить доступ к нему в это время—

- Черт возьми!- Обито слегка подпрыгнул, услышав этот голос, и, обернувшись, увидел Рин, столь же испуганную, и Какаши, кипящего от ярости, многозначительно уставившегося в землю. Он никогда еще не видел мальчика таким откровенно злым, как сейчас. Раздражение, да, скука, да, скрытность, определенно. Хатаке Какаши всегда был из тех, кто скрывает свои эмоции и держит их на коротком поводке, но это...?

"Штраф. Ладно, хочешь знать? Вы хотите знать о моем прошлом!?- Крикнул он, снова напугав двух других необузданными эмоциями в своем голосе. - Мне было страшно, Обито, очень страшно. Эта-эта команда, она была—Нет, она-моя постоянная, то, что удерживает меня на земле. Но ты, ты изменился, ты никогда не должен был быть таким, чтобы вот так просто сдать. Вы, ребята, мой ... мой электронный побег, - он подавился словами и усмехнулся, - из моего прошлого, из навязчивых воспоминаний о Хатаке Сакумо, который был дураком, идиотом и гребаным трусом. Седьмая команда держит меня в равновесии, так было всегда."

Он поднял голову, его пронзительный взгляд встретился с Учихой. -так почему же...? Почему ... Почему ты должен был измениться? Почему ты должен был все испортить..."

Обито уставился на своих товарищей по команде широко раскрытыми, озадаченными глазами. Плечи Какаши были напряжены, с легкой, пугающей дрожью - и никогда еще мальчик не казался таким ... хрупким. Его глаза были слегка затенены челкой, и хотя он носил свою обычную маску, путешественник во времени мог видеть линии стресса и едва сдерживаемых эмоций, написанные так ясно на его лице. И как обычно, Рин ... она была поймана в середине—в полной растерянности, не зная, что делать, чтобы успокоить двух своих непостоянных товарищей по команде, несмотря на ее постоянные усилия быть клеем, чтобы связать их и сохранить мир.

В прошлый раз такого срыва не было, но кто мог сказать, что его не будет? В его глазах... в глазах Учихи Обито Какаши всегда был целью, стеной, которую нужно преодолеть. Хатаке Какаши был его соперником, почти непреодолимым новичком года в его классе, который был вундеркиндом насквозь, предназначенным для величия в качестве могущественного Шиноби. Но под всем этим он все еще был человеком, все еще мальчиком, и ужасно, ужасно потерянным.

Может быть, если бы он был более непредубежденным. Возможно, если бы он уделял больше внимания своим товарищам по команде. Возможно, если бы он был более восприимчив к своим товарищам по команде, Обито не мог не думать, тогда, возможно, он смог бы заставить Какаши увидеть правду раньше, что-то, что раньше удавалось сделать только его смерти. (Потому что он всегда думал, что то, что действительно заставило его упрямого, идиотского товарища по команде увидеть правду, было не столько его словами, сколько впечатлением, которое оставила его собственная смерть. Потому что из всех людей их возраста и возраста, Какаши был наиболее склонен принимать слова умершего человека близко к сердцу.)

Покачав головой, Обито вернулся к своим товарищам по команде и многозначительно указал на землю. Они вопросительно посмотрели на него. - Сядь, - тихо, но без угрозы приказал он. Нежно.

Смутившись, Рин села, и Какаши неохотно последовал за ней. Обито тоже сидел, скрестив ноги, и хмурился, когда седовласый Чунин опустил голову ниже, так что его глаза были полностью скрыты непослушными волосами.

Учиха не мог сдержать слабую гримасу, появившуюся на его лице, когда он прочитал язык тела своего друга. Он всегда знал, что Какаши был сломленным типом личности—он провел свои годы в качестве тени Мадары, зная это, наблюдая, презрительно усмехаясь над слабостью, которую тогдашний взрослый человек так открыто демонстрировал у мемориального камня. Все началось с его собственной очевидной "смерти", затем Рин, и сокрушительным ударом для уже неустойчивого "я" Какаши стали смерти Минато и Кушины.

Казалось, что еще до этой конкретной цепи событий... Какаши сломался еще раньше. От смерти своего отца, Хатаке Сакумо.

Вполне объяснимый результат, учитывая его возраст в то время—ему было шесть лет, и хотя он был гением, он не мог понять причины окончательного выбора своего отца.

Он понял, что сейчас не время для того, чтобы Обито терзался своими собственными чувствами жалости к себе и сожаления. Он мог бы сделать это в другой раз, когда это не повлияет на его команду. Они нуждались в нем прямо сейчас, и он был чертовски уверен, что будет рядом, чтобы помочь им так долго, как только сможет.

- ...Знаешь, твой отец был для меня героем, - наконец начал он, заставив двух других Чунинов посмотреть на него снизу вверх. Во взгляде Какаши, который всего несколько секунд назад был унылым, внезапно появился острый, горький блеск. - Он был готов пожертвовать миссией,

чтобы спасти своих друзей; он спас много-много семей от необходимости скорбеть по своим близким в этом отношении."

Какаши напрягся. - ...Он нарушил правила. Его за это сторонились, а потом он покончил с собой, чтобы избежать негатива! Он был просто трусом, который не мог отбросить свою нечистую совесть и поступить правильно—"

-Ты считаешь, что он поступил неправильно? Какаши открыл рот, чтобы ответить утвердительно, но остановил свою автоматическую реакцию, когда увидел твердый, непоколебимый взгляд своего товарища по команде. -Ты действительно так думаешь, Какаши?"

Хатаке был ошеломлен-от неожиданности и от того, что его, без сомнения, сбили с толку расспросы. Он был не в состоянии ответить. - ...Я не думаю, что он ошибся, - тихо начала Рин, и два других Чунина повернулись к ней. Она сжала в кулаках материал своей юбки. - Я... я думаю, что приняла бы такое же решение, если бы была на его месте."

-Но у Джонина из Конохи есть долг, - раздраженно бросил Какаши, заставив его вздрогнуть. - Он был назначен руководителем своей миссии, и на него была возложена задача довести миссию до самого конца, невзирая на потери. Он этого не сделал, решив спасти жизни остальных—которые с радостью отдали бы свои жизни за деревню—и все потому, что он был слишком слаб, чтобы принять правильное решение."

-Даже если мы Шиноби, мы все равно люди!- Крикнул Рин с силой, слегка удивив Обито. -Твой отец принес себя в жертву, чтобы его команде не пришлось этого делать. Я не могу ... я не могу себе представить, что случится, если... - она сглотнула, глаза ее подозрительно увлажнились. - Если бы я остался здесь и узнал, что вы двое и Минато-сэнсэй умерли... ..."

И Какаши, и Обито сидели в шоке, когда медик их команды разразился слезами, беспомощно пытаясь стереть и скрыть результат своего собственного эмоционального срыва. Однако Учиха быстро пришел в себя и обнял Рин, успокаивая ее, когда он повернулся, чтобы посмотреть на Хатаке.

-Вот видишь, Какаши?- Пробормотал он, стараясь не смотреть мне в глаза. -Как сказала Рин, мы все еще люди, и поэтому у нас есть эмоции. Ни один Шиноби не может по-настоящему убить свои эмоции."

-Что... о чем ты говоришь? .. Лучшие Шиноби знают, как убить свои эмоции!- Закричал Какаши, несмотря на шок и нерешительность, с намеком на безудержную панику в голосе. "Лучшие могут превратиться в бессердечные машины, инструменты, чтобы выполнять свои задачи с максимальной эффективностью—"

-Какаши, - прервал его Обито, пригвоздив мальчика суровым взглядом. "Слушать меня. Те, кто нарушает правила, - мусор, но те, кто бросает своих товарищей, еще хуже мусора."

-Но ... Но эти правила ... —"

Путешественник во времени горько улыбнулся, одного этого действия было достаточно, чтобы остановить слова Какаши. -Потому что какой смысл сражаться, если мы бросим своих товарищей? Бросить людей, о которых мы заботимся? Да, мы, Шиноби, выполняем свои задачи на благо Конохи—но Коноха-это не просто деревня, а все, что мы хотим защитить. Мы сражаемся, чтобы защитить наших близких, наш дом, наши семьи. Если мы откажемся от них, то у нас ничего не останется.- Он некоторое время смотрел на седовласого Чунина, прежде чем продолжить. - Так скажи мне, Ты действительно думаешь, что правила так чертовски важны? Вы готовы пожертвовать моей жизнью, жизнью Рин и жизнью Минато-сенсей, чтобы подчиниться вашим правилам?"

Выражение крайнего ужаса и болезненного понимания промелькнуло на лице Какаши, когда он полностью осознал все последствия. -Н-Нет, я бы не стал, я ... —"

Не дав ему закончить свое заявление, Обито схватил Какаши за руку и потянул, заставляя мальчика неуклюже запутаться в конечностях, которые представляли собой "объятия".- Он с удивлением наблюдал, как Рин тоже притянула к себе Какаши, и на ее щеках появились явные следы слез. Однако Хатаке оставался совершенно неподвижным, и холодная жесткость охватила его плечи.

-Мы знаем, Какаши. Рин, Минато-сенсей и я, мы знаем, и мы всегда будем рядом с тобой.- Он легонько похлопал обоих своих товарищей по команде по спине, что было несколько затруднительно из-за того, что они опирались на него. Однако он чувствовал, что они оба расслабились, и это делало их действия стоящими того. -Конечно, мы будем ждать, что ты тоже придешь к нам, когда придет время."

Не получив ответа, он уставился вниз на серебристые волосы, закрывавшие добрую треть его поля зрения, а еще одну треть закрывал шоколадно-коричневый цвет. - ...Эй, - крикнул он с притворным неодобрением, ткнув при этом своего товарища по команде. Какаши напрягся. -Ты ведь тоже будешь рядом с нами, правда?"

Через мгновение третья часть видения Обито, закрытая серебром, сдвинулась, показывая, что мальчик кивнул.

Тогда Обито понял, что он более или менее застрял там, где был. Рин обхватила обеими руками обито и Какаши, по крайней мере, на половину своего веса против первой. Последний был почти таким же, только его руки безвольно лежали по бокам, явно отказываясь полностью участвовать в импровизированном акте близости, несмотря на то, что он явно нуждался в этом.

Путешественник во времени вздохнул. Хотя у него были и другие дела, которые он должен был сделать, он решил, что позволит своим маленьким товарищам по команде воспользоваться этим моментом. В конце концов, он же не ненавидел ее и не находил неприятной. Нет, на самом деле ему это даже нравилось—это было немного странно, конечно, учитывая, что последние две трети своей прошлой жизни он практически ни с кем не общался, и даже

будучи маленьким мальчиком, он не был особенно любимым ребенком. Но все равно это был приятный опыт.

Обито печально улыбнулся, его глаза устремились в безоблачное небо. Это было самое малое, что он мог для них сделать, - дать им это краткое утешение. Тем более что у него было предчувствие, что это будет одна из последних вещей, которые он сможет сделать для них.

-Я знаю, но прошу тебя. Не забирай это у меня прямо сейчас.'

Он мысленно повторил эти слова, не обращаясь ни к кому конкретно.

-Еще совсем немного.'

В ту ночь обито вернулся "домой" задолго до захода солнца.

Он не хотел нарушать время, проведенное Минато и Кушиной дома, поэтому, как и планировал ранее, отправился в свое измерение Камуи для медитации. Однако вместо того, чтобы позволить своим эмоциям снова овладеть им, он планировал и структурировал потенциальные результаты в будущем.

Снова и снова он прокручивал в голове возможные сценарии, которые последуют после очередной встречи с Минато. Он мог оставаться здесь столько, сколько потребуется, и не возражал бы против того, чтобы его поместили в гостеприимный дом отдела дознания и—только, он уйдет, как только Яманака будет введен в уравнение. Он хотел остаться в Конохе как можно дольше, но, как он уже решил раньше, он не мог позволить Конохе слишком увлекаться.

Итак, он обдумывал вероятный исход того, что он снова станет пропавшим без вести. Он подумывал о том, чтобы инсценировать свою смерть или выдать себя за похитителя тел (как это было очевидно в народе), чтобы эгоистично сохранить свое собственное имя чистым. Что он будет делать после этого, он не был полностью уверен, но это было похоже на охоту на Орочимару, чтобы остановить его эксперименты и планы, отправившись в Мадару и убив человека, а что касается Кагуи...

... Ну, Обито не был вполне уверен насчет ее маленькой тени. Все, что он знал, это то, что Мадара думал, что он "создал" Черного Зецу во время пребывания путешественника во времени, но это было явно не так. Чего Обито не знал, так это того, что черный Зецу делал до этого. Он сильно сомневался, что это существо действительно оставалось в оболочке Юби в течение тысячи лет, прошедших с момента запечатывания Кагуи, и эта мысль беспокоила его.

Как бы то ни было, решив, что прошло приемлемое количество времени, он покинул пределы своего измерения и вернулся домой.

Обито, с минимальным использованием чакры и с предельной осторожностью, вошел в уютную квартиру через окно. Он быстро осмотрел периметр на предмет движения, прежде чем кивнуть самому себе, решив, что путь в свою комнату безопасен—

- Обито."

Обратившийся к нему Учиха вздрогнул, не ожидая—или не чувствуя—что человек идет к нему. Он настороженно посмотрел на Минато, и тот ответил ему мрачным взглядом. -Если бы я мог поговорить с вами."

подавив почти автоматическое содрогание, Обито машинально кивнул. Он не хотел этого слышать. Он действительно не хотел этого слышать, и он смел надеяться, что конфронтация не произойдет—в конце концов, прошло уже два дня, гораздо больше времени, чем он ожидал. Он не хотел, чтобы его мир рухнул, и все же... ..

Он вздохнул, понимающее смирение появилось в его глазах там, где когда-то была осторожность. Он не знал, какова его судьба—будет ли он судим, казнен, сослан... он не знал. Как бы то ни было, у него все еще оставались задачи, которые нужно было выполнить, и свободные концы, которые нужно было связать. Если его посадят в тюрьму, то у него действительно не будет другого выбора, кроме как стать пропавшим без вести.

Обито подавил фырканье, которое грозило прозвучать при этой мысли. Какая ирония. Как и сказал Кьюби, он вернулся в прошлое, но просто заново переживал свою несчастную жизнь, даже если это было сделано для того, чтобы избавиться от угроз людям, которые были ему дороги.

Однако он забежал вперед и не был уверен в том, что произойдет дальше. Это были простые размышления о том, что может быть, но можно ли винить его? Он отказывался надеяться на лучшее, и было безопаснее всего—для его и без того раздробленного ума сомнительного здравомыслия—просто предположить худшее.

С этой мыслью он поднял запястья, его глаза были прикованы к рукам, и он пропустил поднятую бровь блондинки.

- ...Я понимаю, - тихо произнес Обито, думая, что перспектива тюремного заключения становится все более и более правдоподобной—он не мог точно сказать, была ли эта вероятность вызвана его собственным затуманенным разумом или правдой. Однако план был таков: он останется в Конохе до тех пор, пока не появится необходимость в Яманаке. - Просто ... прежде чем меня будут судить, прежде чем мне вынесут приговор, я хотел бы получить одну просьбу.- Он недовольно нахмурился на легкую дрожь в голосе, не замечая, как оба его сэнсэя подняли брови. "Успокойся", - резко подумал он. -Я был бы вам очень признателен, если бы хотя бы на один день ... Вы все можете это сделать—"

- притвориться, что мы все еще команда?

Это была просьба, которую он знал, что она не будет выполнена, особенно если его следующим пунктом назначения будет отдел дознания или тюрьма. Тем не менее, стоило попытаться спросить—не говоря уже о том, что он хотел провести один последний день со всеми членами команды семь, команды семь, которую он так хорошо помнил. Какаши, холодный, но втайне заботливый ублюдок. Рин, добрая девушка, которая всегда была достаточно несчастна, чтобы попасть между спорами, созданными ее двумя товарищами по команде. Минато, могущественный, почитаемый Джонин, на которого все трое Чунинов смотрели с большим уважением, восхищением и заботой. Он не хотел, чтобы его последним воспоминанием о седьмой команде в целом была напряженная атмосфера, когда все они избегали его.

Однако на самом деле он даже не успел закончить свою скромную просьбу, как две сильные руки хлопнули его по плечам, и он вздрогнул, широко раскрыв глаза, когда они встретились с Минато ."

Слово-команда, на самом деле-заставило Обито сделать именно это. На самом деле он был совершенно уверен, что на мгновение перестал дышать, ожидая услышать приговор этого человека.

- Ты... Ты просто... - пробормотал Минато, и путешественник во времени напрягся с каждым произнесенным словом. Блондин, казалось, заметил это, поскольку он покачал головой и вздохнул, прежде чем отпустить плечи Обито и положить руку на голову мальчика, вместо этого. - Остановись, Обито. Вы слишком много думаете о вещах. Я не собираюсь бросать тебя в Т&|."

Ониксовые глаза моргнули с тонко завуалированным удивлением, когда обито посмотрел на мужчину—его глаза говорили правду, и в них было даже скрытое... раскаяние. "Неуместно", - невольно подумал он. Вместо того чтобы высказать эту мысль вслух, он ограничился нейтральным вопросом. -... Что ты имеешь в виду?"

Минато пристально посмотрел на обито, и на мгновение глаза последнего метнулись в сторону, пока он перечислял возможные пути отхода. Вздох блондинки прервал его расчеты, и он внезапно обнаружил, что его ведут к креслу в гостиной. Минато велел ему сесть, а сам уселся на диван, не сводя с него неподвижного взгляда.

- ...Если честно, - начал Минато, откинувшись на спинку кресла и переплетя пальцы, - я тоже не совсем понимаю, что имею в виду. Но что я могу сказать с уверенностью, так это то, что я вам верю."

Путешественник во времени отбросил в сторону облегчение и надежду, которые внушали ему эти слова, и прищурился. -Это несколько отличается от того, что вы говорили раньше, сэнсэй. Что именно Чанг—"

- Я не собираюсь играть с тобой в эту игру, Обито.- Минато был слегка напряжен, и его слова резали, как сталь, в его тоне была определенная резкость-строгая, но без реальной угрозы. Он слегка расслабился, и на его губах появилась кривая улыбка. - ...Хотя я понимаю твое

нежелание верить тому, кто чуть не убил тебя меньше недели назад."

Горький. Печальный. Эти слова были тем, что Обито чувствовал, описывая тон, который использовал его сэнсэй. Минато полностью расслабился, возможно, даже принужденно, и улыбнулся более искренне. -Это может показаться странным, но я ... я верю, что ты теперь путешественник во времени, Обито. Но я хочу, чтобы ты понял, что другие не станут этого делать без веских доказательств ... — Учиха напрягся. - ...поэтому нам понадобится Яманака, чтобы совершить мысленный обход и проверить все, что вы сказали."

- Но почему же?- Властным тоном спросил обито.

Минато слегка поморщился. - Обито, это необходимая процедура для будущей подготовки, хотя я и знал, что ты не будешь восприимчив к ней. Мы можем попросить моего друга, Яманаку Иноичи, провести эту процедуру. Он не обязан был бы сразу же идти к Хокаге со всем, что найдет, давая нам окно времени, и... —"

"Нет.- Услышав его властный тон, Минато на мгновение широко раскрыл глаза, прежде чем все эмоции были стерты с его лица—теперь обито знал, что его беспокоит этот взгляд. Он быстро добавил: "У меня есть ... есть причина, по которой я не рассказал вам или кому—либо еще все в подробностях.- Нет, не совсем так. Это просто страх. - Это опасно, и это может ускорить некоторые события, к которым мы не готовы. Но в конце концов я расскажу вам—и всем остальным, кто в этом нуждался,—все, что смогу."

Он случайно взглянул на своего сэнсэя, который все еще был ужасно непроницаем. Единственным ясным признаком того, что, возможно, происходило в голове этого человека, было то, как его пальцы слегка подергивались—как будто он заставлял их оставаться на коленях, оставаться расслабленными.

- ...А, теперь я понимаю, - тихо произнес Обито, снова переводя взгляд на лазурь. Не то чтобы Минато доверял ему, но он считал себя путешественником во времени. Акцент сделан на том, что он был не из текущего временного периода. Минато каким—то образом нашел убедительные доказательства статуса Обито—очевидно, доказательства, которыми нельзя было поделиться, - но у него не было доказательств его лояльности. Так что, естественно, этот человек все еще был настороже.

Обито испустил тихий вздох раздражения. Ему была дана возможность, и было бы глупо упускать ее из-за простой трусости. Он мог бы рассказать правду, чтобы облегчить беспокойство этого человека и до некоторой степени очистить себя, просто... скрытно.

-Коноха не находится в непосредственной опасности, - тихо начал он, незаметно оценивая реакцию Минато через свои периферийные устройства. - К сожалению, большая часть того, что я знаю, относится к далекому будущему, и я мало что помню из этого времени. Я никогда не был самым внимательным ребенком, и в результате мне не о чем особенно рассказывать в этом отношении.- Его голос звучал все громче и громче. -Насколько мне известно, Конохе ничего не угрожает."

Это была незначительная угроза, скрытая под маской беспокойства и правды. Насколько он знал, Конохе ничего не грозило. Однако, если его рука будет принуждена, если он раскроет события будущего, и если кто -нибудь сделает шаг, чтобы изменить это будущее... безопасность деревни не может быть гарантирована. Это было в лучшем случае слабое предупреждение, но время-понятие непостоянное, непроверенное и неизвестное. Летучий. Обито знал, что Минато был достаточно осторожным человеком, чтобы понимать-в отличие от некоторых его потомков,—что благоразумие на самом деле очень важно.

В течение нескольких коротких мгновений Минато продолжал оценивать его, выискивая любой намек на ложь, скрытую правду, гнусные средства. Вскоре он немного расслабился, но на его лице появилось почти печальное выражение, чего путешественник во времени никак не ожидал.

-Знаешь, это... это мне мало что говорит."

Обито не мог сказать, была ли эта печаль направлена на скудную информацию или на него самого. И он не мог сказать, было ли это что-то вроде: "Ваши аргументы слишком скудны, чтобы спасти вашу виноватую задницу", или: "жаль, что наш источник из будущего имеет так мало информации, которая могла бы помочь Конохе", или более подходящего фона.

Непрошенный охранник обито упал, и он уставился на Минато почти безжизненными глазами, затуманенными таким смирением, что он не заметил почти незаметного вздрагивания блондинки при этом взгляде. Он очень устал. Очень, очень устал, так сильно, что даже не мог найти мотивации, чтобы сохранить свой обычно автоматический фасад, свою маску.

Физически и эмоционально он был полностью истощен. Большую часть своей прошлой жизни он провел в окружении врагов, постоянно оглядываясь назад, чтобы убедиться, что ему не грозит безвременный конец. В то время это был его собственный выбор—он решил, что мир жесток и должен быть создан заново. Он оставил всякую надежду приспособиться к реальному миру и решил поместить свои надежды в иллюзорный, фальшивый мир. И теперь, когда он вернулся в прошлое, теперь, когда у него появилась новая решимость попытаться спасти людей, о которых он заботился... он все еще был один. Факт, о котором он даже не мог заставить себя печалиться, поскольку все, что он действительно чувствовал, было безмерной пустотой там, где, вероятно, должны были быть эмоции.

Какое-то движение привлекло его внимание, и он оглянулся назад, чтобы увидеть своего сэнсэя, стоящего на коленях и уставившегося в землю. -Я ... я понимаю. Эти слова принесли не облегчение, как ожидал Обито, а странную смесь сожаления, надежды и разочарования. Горько-сладкий. -Ты ничего не можешь сделать, если не помнишь, но... это не требование, и я понимаю, если ты не хочешь говорить. Я понимаю, если это не мое дело спрашивать, но ... пожалуйста. Если сможешь. Скажи правду сейчас, что случится в будущем, на какие события ты постоянно ссылаешься, и что случится с Рин, Кушиной, мной, Конохой-со всем."

Обито просто смотрел на него. Он все понял? Его место, чтобы спросить?

Минато вздохнул, без сомнения приняв недоверчивое молчание Учихи за что-то другое. -Если ты беспокоишься о конфиденциальности, то можешь не беспокоиться. Я не собираюсь рассказывать Хокаге все, что узнаю."

Его слова вызвали чувство недовольства, и обито не смог скрыть своего скептицизма. - Но почему же?"

Блондин улыбнулся-сияющий, веселый взгляд, который путешественник во времени не видел уже целую вечность. "Потому что я хочу доверять тебе, попыталась передать. Вы очень серьезны в своих словах, и... и вы не та угроза, о которой нужно сообщать. Конечно, об обстоятельствах встречи с путешественником во времени можно было бы доложить немедленно, но... - он небрежно пожал плечами, все следы прежнего напряжения исчезли. - На мой взгляд, некоторые вещи стоят небольшого нарушения субординации."

Слова Минато ... они вселяли надежду. Это было все, что обито мог по-настоящему сказать о них, и он чувствовал, что у него действительно есть шанс, что он все еще может быть счастлив, живя в Конохе с людьми, которые ему безразличны. Они давали ему какую—то легкость, которую он уже давно не испытывал так отчетливо, и он был очень благодарен им... но с другой стороны—и как обито проклинал свои мрачные мысли, доказывающие, что он не может наслаждаться моментом за чистую монету-часть его практически кричала ему, что он не может оставить все как есть.

Что он не вполне вписывается в этот мир.

Эта мысль на мгновение сбила его с толку, но он быстро сообразил, почему он так себя чувствует и почему слова Минато вселили в него одновременно надежду и разочарование.

Он не был пригоден для будущего, где он действительно был не более чем раковой кистой, пытающейся утащить всех вниз из-за своих собственных эгоистичных идеалов. Здесь он был помехой, которая выводила из равновесия жизнь всех вокруг—он разрушал жизнь людей, о которых заботился, и не в том позитивном ключе, на который надеялся.

Конечно же, он создал рябь. Таков был его план с самого начала: изменить трагическое прошлое своей команды и Конохи в целом, привести всех к светлому будущему.

Но это было совсем не то, что случилось.

Нет. В конце концов, что же ему удалось сделать? Ему удалось привлечь внимание Данзо к Итачи и Шисуйи гораздо раньше, чем раньше. Он ускорил бегство Орочимару из Конохи, дав ему еще больше времени для составления плана уничтожения деревни. Конечно, были и хорошие перемены, но они были далеки и немногочисленны по сравнению с теми чудовищами, которые он навлек на себя.

Рин, возможно из-за внезапной перемены, которую он претерпел, казалась еще более

неуверенной в себе и своих способностях, чем в прошлый раз.

Какаши, который раньше всегда твердо держался за свои эмоции, совсем потерял их раньше. Именно к этому стремился Обито, думая, что так будет лучше... но что, если это не так? Что, если каким-то образом скрытность и уклонение Какаши от своего прошлого были тем, что поддерживало его силу, стремясь к большей власти? Что, если на этот раз он окажется недостаточно подготовленным к будущему, даже больше, чем раньше?

Даже его некогда, казалось бы, непогрешимый сэнсэй, человек, который сумел убить свое собственное сердце и запечатать хвостатого зверя в своем собственном осиротевшем сыне—и все потому, что он знал, что это было для блага Конохи,—изменился и ослабел из-за него. Тот Намикадзе Минато, которого он знал, человека, которого он предал, с которым он столкнулся в день рождения Наруто, снова сражался во время войны, был добрым, доброжелательным лидером, и тот, кто понимал, что означает его положение. Но этот человек, сидящий перед ним, был готов рискнуть нарушить субординацию ради своего ученика, у которого все еще были сомнительные мотивы?

Однако Обито не был таким дураком, чтобы снова впасть в привычку отказываться, говоря, что он не Намикадзе Минато из-за этого. Потому что он знал, в чем корень проблемы, и точно знал, почему человек, которого он так уважал, изменился.

Минато все еще оставался Минато. Точно так же, как Рин был Рином, а Какаши был Какаши. Но так же, как Коноха была деревней, которую он любил, она была запятнана своими тенями и разрушениями.

И все же Обито знал, что Минато ни за что не допустит, чтобы ситуация обострилась, как это было раньше. Он, без сомнения, станет харизматичным, очаровательным Хокаге, способным повлиять даже на тех, кому промыли мозги предложения Данзо. Этот человек не позволит жителям Конохи умереть, Учиха не увидит резни, и поэтому семья Итачи будет в безопасности. Команда Минато будет в безопасности. Кушина. Наруто.

Наруто будет в безопасности. Может быть, на этот раз он даже будет жить счастливее, окруженный любовью своих родителей и всей деревни.

Мир будет двигаться дальше, продолжать жить и процветать, направляясь к своему новому будущему, потому что у него все еще будет свой луч солнца: дитя пророчества. Тени всегда будут здесь, и не было никакой необходимости в еще одном.

Обито посмотрел в глаза Минато, и горькая решимость ясно проявилась, когда он изменил свой первоначальный план. Он принял свое решение.

Пришло время ему перестать убегать. Пришло время перестать игнорировать правду, перестать прятаться за бесполезной ложью и надеждами, которые затуманивали его разум. Он все еще был далек от абсолютной ясности, но, по крайней мере, знал решение, которое сохранит его желанный мир—на этот раз настоящий—нетронутым.

У него было время насладиться иллюзией покоя и счастья. У него было два десятилетия, которые можно было бы потратить на то, чтобы вернуть себе счастливую жизнь, стремясь к ложной мечте, и почти полгода он жил той жизнью, к которой всегда хотел вернуться. А теперь ... пришло время расплатиться за все это. Пришло время перестать убегать, принять правду.

Обито улыбнулся, хотя улыбка не совсем дошла до его глаз. Вместо этого было сохранено прежнее убеждение, но вместе с ним поселились печаль и осознание. - Спасибо, Минато-сенсей, но... я все еще не могу вам сказать. Ещё нет."

Однажды он сказал, что сделает все для своего драгоценного народа. Что-нибудь.

Его решение было принято. Два зайца одним выстрелом-и все будет решено. Он упадет и не будет тащить за собой свою деревню.

В конце концов, он достаточно долго избегал смерти.

-Я умру за свой драгоценный народ.'

Ров Переводчик

Убейте меня глава в 58к символов и + ещё до этого 2 главы по 25+к символов, но их прото отредактировать надо было, а ещё глава в 29к символов переведена и шас такой ещё главу переведу и спать, а тут подарок на 58к.У меня кстати сейчас 12 часов ночи, а сел я на минуточку в 4 часа дня.

Я поныл вы меня выслушали мне легче. Переведу сейчас эту главу и спать...

Да я зделал это время 3 часа ночи. Выкладываю эту главу и я спать.

<http://tl.rulate.ru/book/28530/799324>